

Елена Ермолаева

**УЛИЦА
ДИНЬДИНЬСКАЯ:
КАТЕ И МУРЗИКУ**

RUGRAM

УДК 82-3-93
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Е74

Ермолаева Е.

Е74 Улица Диньдиньская: Кате и Мурзику / Е. Ермолаева –
М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. –
276 с. – (Сказки, были, небылицы).

ISBN 978-5-521-90853-0

Книга для семейного чтения, для взрослых, не забывших дет-
ство, и для детей, интересующихся жизнью сверстников в семиде-
сятые и восьмидесятые.

BIC YFC
BISAC JUV019000

ISBN 978-5-521-90853-0

© Е. Ермолаева, текст, 2022
© Е. Чернова., обложка, 2022
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

«Салон красоты «Стриженаль» — задумчиво прочла Екатерина вывеску на первом этаже сталинского дома. В зеркальной витрине она увидела своё отражение: стройную блондинку средних лет. Ещё немного подумала — и вошла в салон.

Сразу же подбежала с вопросом юная парикмахерша:

— Добрый день! Чем могу вам помочь? У нас сегодня огромная скидка на маникюр и на тайский массаж...

— Я хотела бы... подстричься.

— Вы знаете, что похожи на Уму Турман?

— Никто никогда не говорил, — отшутилась Екатерина.

— Зря.

Екатерина рассеянно улыбнулась.

— Хорошо, в следующий раз, когда буду записываться, так и представляюсь — Ума Турман.

Внимательно разглядывая помещение, Екатерина села в кресло. Парикмахерша накинула на клиентку простыню, встретила с ней взглядом в зеркале и, помолчав, спросила:

— Вы ведь кого-то ищете, правда?

— Когда-то здесь была квартира, в которой я жила, — пояснила Екатерина.

— Вот это да-а-а! — чуть не выронив баллончик с кондиционером, всплеснула руками парикмахерша. — Обожаю такие вот совпадения! Подумать только — как в сериале!

Через два часа Екатерина вышла из парикмахерской и обогнула угол дома. Старый двор был почти таким же, как и прежде: маленьким, симпатичным, уютным. Только исчезли берёза и песочница. Екатерина присела на лавочку, вздохнула. Улыбнулась. Здравствуй, детство... Где же ты пропадало?

Часть 1

УЛИЦА ДИНЬДИНЬСКАЯ

Годовалая Катя впервые появилась в новой квартире зимним днём. Её родители получили две комнаты в коммуналке на первом этаже и с радостью переехали в нее из двухкомнатной “хрущевки”, в которой, кроме них, обитало ещё пятеро человек: родители папы и его сестра с мужем и дочкой. Папа внес Катю в коридор на руках и осторожно поставил на пол. Мама сняла с нее белую шубку и шапочку. Мимо проехал на велосипеде трёхлетний малыш, с интересом окинув взглядом новых жильцов. Катя осталась в вальенках — и неожиданно для родителей потопала по коридору уверенно и споро, как будто всю жизнь умела это делать. Это оказалось так неожиданно и радостно, что мама заплакалась.

У желтого дома номер три по улице Дзержинского, которую Катя лет до пяти называла “улица Диньдиньская”, были сквозные подъезды с двумя выходами: один на улицу, а другой — во двор. Нижнюю часть строения дети без конца разрисовывали белыми мелками, изображая на ней битвы самолетов и танков. «Наши», с пятиконечными звездами, всегда побеждали «фашистские» со свастикой, — и те полыхали ме-

ловым огнём. Неизменными оставались две надписи: слева — “Ира + Паша = любовь”, справа — “Марина — дура”.

Новая квартира поражала своими размерами. В маленькой “комнатке для прислуги” рядом с общей кухней уместились небольшой квадратный стол, шкафчик для посуды, две табуретки и детский деревянный стульчик. На стену повесили полки с папиными реактивами. Комнатка стала кухонькой, столовой и фотомастерской. Большая двадцатипятиметровая комната превратилась в спальню, гостиную и детскую.

В дверь требовательно постучали. Мама Кати пошла открывать.

— Меня зовут Сима, — сухо представилась высокая худая женщина в очках и властным жестом предложила выйти в коридор. — Я — главная по квартире и слежу за порядком.

Сима указала на стену, где висел график уборки.

— Всего в квартире теперь семь человек, включая детей. Кроме вас, здесь живут еще Квасовы с сыном. Каждая семья убирается по количеству жильцов. Вам — три недели подряд. Принимаете дежурство у Тамары, а сдаете — мне. Ванной можете пользоваться в понедельник и четверг.

Скоро на зеленой стене в ванной комнате появился крючок для Катиной ванночки.

Телефон в квартирах по тем временам считался роскошью. Но Катин папа работал в милиции, и довольно быстро в комнате появился телефонный аппарат, параллельно подсоединенный к пивной. Поэтому иногда в трубке раздавалось: “Пиво есть?”

* * *

Однажды вечером Катя скучала одна в группе детского сада. За окном давно стемнело. Всех ребят уже разобрали по домам. А Катиной мамы всё не было и не было.

Катя подошла к Светлане Ивановне, посмотрела на её тёмные, заплетенные в длинную косу волосы, и потянула воспитательницу за рукав:

— Когда мама придет?

— Скоро! — отмахнулась та, высвобождая рукав.

“Ну почему меня не забирают? — думала Катя, — а вдруг я навсегда в саду останусь? Если бы я была мамой, то давно бы забрала свою дочку!»

Ей сделалось совсем грустно, и Катя тихонько всхлипнула. Потом громче. Ещё и ещё. Светлана Ивановна попыталась успокоить малышку, но та расплакалась:

— Я хочу к ма-а-ме...

— Если ты не успокоишься, то я зажарю тебя на сковороде и съем! — пригрозила воспитательница.

После таких слов Катя зарыдала в голос. К счастью, в это время сестра мамы, тетя Аня, зашла в гости на улицу Дзержинского, не нашла никого дома и решила прогуляться до детского сада.

— Это кто тут у нас плачет? — спросила тетя Аня, ещё с лестницы услышав рёв племянницы.

При виде тети Катины слёзы высохли в один миг, и она обрадованно прижалась к своей спасительнице.

— Давай одевайся, пойдём домой! — весело скомандовала тетя Аня.

Вдвоём они выскочили из садика, пробежали мимо зеленого деревянного штакетника, пересекли улицу и два двора, оказались около желтого пятиэтажного дома, вошли в подъезд и позвонили.

Дверь открыла соседка Сима. Родителей Кати по-прежнему не было.

— Предупредите Раю, что мы с Катей пошли ко мне! — попросила тетя Аня.

Они пошли короткой дорогой — наискосок, через сталинскую “почтовку”, которая получила свое название из-за находившейся на первом этаже почты. Возле почты без конца разворачивались такси и грузовики с посылками, поэтому детям из Катиного дома строго-настрого запрещалось выбегать со двора.

Тетя Аня жила на первом этаже красного двухэтажного домика с деревянной скамейкой перед входом. За низеньким забором розовой пеной цвёл шиповник. В квартире были две комнаты и кухня — такая крошечная, что в неё еле помещались плита с двумя конфорками и стол. Из кухонного окна можно было увидеть кусты смородины и крыжовника на заднем дворе и верёвку, на которой всегда сохло чьё-то бельё. В тесном коридоре стояла ванна, замаскированная занавеской. Чуть дальше — общий туалет на две квартиры. Катю всегда пугала соседская дверь, которая могла в любой момент открыться. Зато комната тети Ани была светлой и просторной.

Пока Катя разглядывала книжку с картинками, тетя Аня отварила картошку, и они ели её из пиал. После ужина тетя налила чаю. Катя впервые увидела в конфетной вазочке аппетитные разноцветные кубики розового, желтого и зеленого цвета.

— Это что?

— Фруктовый сахар. Бери!

Катя попробовала по очереди три разных кусочка с кисло-сладким вкусом. Больше всего ей понравился розовый.

Тетя Аня достала проигрыватель и поставила пластинку с рассказом “Голубая чашка”. Под спокойный голос рассказчика Катя понемногу начала дремать.

Немного позже прибежала мама. Сонная Катя обрадовалась, протянула руки: